

Никто не знал наверняка, не проснулась ли вдруг в Фу Юе кроха совести, но после того вечернего банкета его контроль над Бай Юем заметно ослаб.

По крайней мере, он больше не запирали его в своей спальне. Бай Юю позволили свободно ходить по дому, а иногда — по великой милости — даже выходить наружу. Правда, рядом с ним неизменно маячили несколько человек со статусом «телохранитель», которые на деле были обычными надсмотрщиками. Куда бы он ни пошёл — он сразу становился слишком заметным.

Не выдержав этого давления, Бай Юй отправился в свою любимую ювелирную лавку, купил немного простых материалов и, вернувшись в старый особняк, сразу же закрылся в своей маленькой мастерской.

Фу Юй, как всегда, выглядел бесконечно занятым — он часто не ночевал дома.

Всё это странным образом напоминало то, как они жили до той безумной, нелепой ночи.

Но стоило Фу Юю вернуться — неважно, насколько поздно, — как он обязательно вытаскивал из сладкого сна старого дворецкого. С мягкой улыбкой смотрел, как тот, зевая без остановки, подробно докладывает обо всём, что Бай Юй делал за день. А потом — словно всемогущий демон — находил Омегу, который прятался от него где-нибудь в углу, вытаскивал наружу и, изображая показное «братское тепло», силой прижимал к себе, укладывая спать в обнимку.

Дом превращался в настоящий хаос: суета, шум, суматоха. Даже у обычно невозмутимого старого дворецкого на лице всё чаще проступало раздражение, и он позволял себе сдержанные, но вполне явные упрёки.

А для Бай Юя всё это было почти невыносимо. Каждый день, когда его вот так тянул к себе Альфа, который уже оставил на нём метку, он просыпался с пересохшим горлом, словно его тело всю ночь терзали чужие феромоны, не давая покоя ни телу, ни сознанию.

Он совершенно не понимал, чего добивается этот безумный Альфа.

На следующий день он снова пошёл в лавку.

Подчинённые работали чётко и с пониманием: у входа с грохотом поставили огромную табличку «СКИДКА 90%», и под прикрытием хлынувшей толпы покупателей с ним быстро обменялись информацией.

— Браслет на вашей ноге — это новейшая разработка. У каждого такого браслета есть только один пульт управления, строго индивидуальный, — бета говорил с профессиональной улыбкой, но голос нарочно понизил. — Мы перепробовали множество способов взлома... все безрезультатно. Если пытаться его расшифровать, это займёт очень много времени.

В этих словах звучала не только техника — в них была надежда, напряжение и опасность. И тонкая, хрупкая возможность свободы, за которую ещё предстояло бороться.

— Сколько? — Бай Юй нахмурился, рассеянно перекатывая между пальцами крошечный голубой бриллиант.

Бета уверенно улыбнулся:

— В пределах пяти лет.

Бай Юй:

— ...

Он уставился на камень, хмурясь ещё сильнее.

— А если выбрать способ попроще?

— Вы имеете в виду физически уничтожить браслет? Насильственное повреждение, скорее всего, активирует систему самоуничтожения — произойдёт подрыв...

— Я о другом, — безэмоционально сказал Бай Юй. — Если отрезать мне лодыжку и потом пришить обратно?

Бета встретился с ним взглядом — и по спине пробежал холод. Он судорожно сглотнул, не зная, что ответить.

Люди старой госпожи были оставлены при Бай Юе, но он почти не поддерживал с ними контакт, держался тихо, мягко, незаметно. Со временем они перестали воспринимать его всерьёз.

Но даже самые жёсткие из них не могли поверить, что кто-то способен отрезать себе ногу ради того, чтобы избавиться от браслета.

Заметив, как побледнело лицо беты, Бай Юй опустил ресницы, бросил бриллиант обратно и небрежно усмехнулся:

— Шучу.

Вечером Фу Юй вернулся раньше обычного. И не с пустыми руками — он нёс изящно упакованную коробку.

Внутри лежал безупречный голубой бриллиант, переливающийся в свете ламп мягкими, рассыпчатыми бликами.

Бай Юй закрыл коробку и безо всяких эмоций посмотрел на Фу Юя, который вальяжно сидел рядом, молча, с лёгкой улыбкой наблюдая за его реакцией.

Альфа был похож на льва, притащившего сочную добычу — уверенного, что угадал вкус Омеги, и теперь самодовольно ожидающего благодарности.

Но Бай Юй не почувствовал, что его пытаются порадовать.

Он почувствовал, что его провоцируют.

Он швырнул коробку обратно Фу Юю и, не оборачиваясь, ушёл.

Улыбка застыла на губах Фу Юя. Он смотрел, как Бай Юй исчезает за дверью, и лицо его потемнело.

— Вы же говорили, что днём он смотрел мелкие бриллианты и остался недоволен?

Несколько бета-телохранителей мгновенно «сдулись», как листья под осенним ветром — переминаясь с ноги на ногу, бормоча что-то невнятное, не решаясь ответить.

В последние дни, куда бы Бай Юй ни прятался, Фу Юй неизменно его находил. Пассивное сопротивление провалилось, и в итоге Бай Юй перестал даже пытаться сопротивляться — по вечерам он сам возвращался в комнату Фу Юя спать.

Когда Фу Юя не было, он перевернул всю комнату. Хоть изначально и не питал особых надежд, всё равно почувствовал разочарование, не найдя пульта управления.

Неужели Фу Юй действительно носит его всегда при себе?

...Альфы — не лучшие создания этого мира.

Бушующие феромоны делали его эмоционально нестабильным изо дня в день. Бай Юй глубоко вдохнул, взял одежду и ушёл в ванную.

Когда он вышел, Фу Юй уже был в комнате — всё ещё в костюме, не переодевшись после возвращения.

Дверь ванной открылась — и запах орхидеи, и без того наполнявший пространство, стал гуще и глубже. Он мягко обволакивал воздух, лаская каждую уставшую нервную клетку, словно весенний дождь, напоивший пересохшую, растрескавшуюся землю.

Настроение Фу Юя мгновенно стало светлее. Теплее. Он был опасно довольным.

Бай Юй совсем не походил на типичных Омег — хрупких, тонких, словно сотканных из воздуха. Его фигура была более прямая, собранная, с внутренней жёсткостью. Он вышел из ванной в плотно запахнутом халате, и на виду осталась лишь длинная, стройная голень — и чёрный браслет на лодыжке.

Контраст чёрного и белого делал его щиколотку особенно тонкой, почти хрупкой на вид.

Поймав на себе хищный, скользкий взгляд Альфы, он тут же поправил халат, прикрывая и голень тоже — с какой-то чрезмерной, почти демонстративной скупостью.

Но тёплая вода смыла с его лица привычную холодность. Черты стали мягче, влажнее, живее. Фу Юй любовался слегка сжатыми губами Бай Юя — их оттенок был идеальным, именно таким, каким должен быть.

До того как он нашёл Бай Юя, все Омеги с запахом орхидеи — какими бы похожими ни были их феромоны — отсеивались им с первого взгляда.

Его Омега должен был быть именно таким, как Бай Юй.

Ни на йоту иначе.

Некоторое время он просто смотрел на него.

А потом подумал: Я хочу его поцеловать.

Фу Юй никогда не умел сдерживаться — если мысль появлялась, он сразу воплощал её в действие. Он шагнул вперёд, перегородив Бай Юю путь, как уличный хулиган, перехватывающий школьника после уроков, и легкомысленно приподнял его подбородок:

— Даже лица нормального не показываешь. На что злишься? Подарок не понравился?

Лицо Бай Юя мгновенно заледенело:

— Я скажу это один раз. Не смей обращаться со мной так, как со своими любовниками.

— Ладно-ладно, моя ошибка... — протянул Фу Юй, медленно прижимая его к стене. Он опустил взгляд на дрожащую складку между его бровей и вдруг спокойно сказал: — Один человек постоянно пытается разузнать о тебе. Хочешь знать, кто?

Кто ещё это мог быть?

Только Тан Сюй.

Бай Юй дёрнул головой, освобождаясь от его руки, и поднял взгляд — ясный, холодный, собранный:

— Разве это не именно то, чего ты хочешь?

То ли из-за горячего душа, то ли из-за близости, но лицо Бай Юя было румянее обычного. Запах, который он обычно старательно сдерживал, стал гуще, теплее. Его дыхание — медленное, тёплое — несло тонкий аромат, от которого у Альфы непроизвольно дёрнулся кадык.

Фу Юй почувствовал, будто сам себе наступил на ногу.

Он помолчал, хрипло усмехнулся:

— Какие же вы, Омеги, злопамятные.

Расстояние между ними сокращалось, но Бай Юй будто не замечал этого. В его чистых зрачках отражался силуэт Фу Юя. С каждым вдохом и выдохом феромоны становились всё плотнее, насыщеннее.

— По сравнению с Альфами... — тихо произнёс Бай Юй, — мне до вас далеко...

Он не успел договорить.

Его талию резко сжали, губы накрыли поцелуем.

Альфа, ещё секунду назад сдержанный, потерял контроль — феромоны сорвали все тормоза. Напор был пугающе сильным, тела тесно прижались друг к другу. Бай Юй пытался поймать дыхание в редких промежутках, но горячее дыхание обжигало, словно пламя.

Омега тоже оказался под воздействием феромонов Альфы — его подбородок подняли, губы разомкнулись, и он на миг забыл, как сопротивляться.

То, что его не оттолкнули.

То, что возникла иллюзия — пусть даже слабая — будто его принимают.

Это сделало Фу Юя ещё довольнее.

В переплетении холода и жара Бай Юй незаметно, осторожно провёл руками по его телу.

Пульты не было.

С тоскливым разочарованием он попытался отстраниться — но его руку перехватили.

Глаза Фу Юя налились красноватым блеском, в них проступала первобытная, звериная сущность Альфы. Он усмехнулся, удерживая ладонь Бай Юя у себя на талии:

— Такая редкая инициатива — и уже убираешь руку?

Бай Юй понял, что его поймали с поличным. Несколько секунд он стоял, застыв, не в силах вырваться, а потом просто сдался:

— Отвали.

— Хочешь пульт от браслета? — Фу Юй приблизился ещё ближе. — Он... не так уж и недостижим.

У Бай Юя дёрнулась бровь.

— Но сейчас ты ведёшь себя очень непослушно. — протянул Фу Юй, явно зная о его тайных попытках что-то проверить. Голос растянулся ленивой, тягучей интонацией, той самой, какой обычно обмениваются влюблённые, играя друг с другом. — Так что... подожди. Станешь паинькой — тогда и сниму. Мг?

Эта нарочитая интимность, липкая двусмысленность интонации заставили у Бай Юя дёргаться веки. Он совершенно не хотел даже думать о том, что Фу Юй вкладывает в своё «быть паинькой». Выбирая между отвращением и яростью, он вдруг резко ущипнул Фу Юя за мягкое место на талии.

Фу Юй не ожидал этого — вздрогнул, инстинктивно откинулся назад и на секунду просто замер.

Этого хватило.

Бай Юй вырвал руку, упёрся ладонями в грудь Альфы и с силой вытолкнул его за дверь.

Холодно бросил:

— Пока я не научился, как быть «паинькой», сам выйди и поучись быть паинькой. Вон.

Дверь спальни с грохотом захлопнулась.

Фу Юй ошарашенно уставился на закрытую дверь.

...Это вообще-то его комната, нет?

Омеги, когда злятся, вот так себя ведут?

Фу Юй задумался. Перед ним — будь то Альфы или Омеги — никто никогда не позволял себе так себя вести. Так что он даже не знал, как вообще выглядит ярость Омеги.

Забавно.

Тихий, спокойный, всегда сдержанный Бай Юй — и вдруг вот так.

Оказывается, он злится именно так.

— Даже мило, — пробормотал Фу Юй.

Феромоны всё ещё ласкали его нервы, состояние было удивительно спокойным и ясным. Он вовсе не злился. Неторопливо развернулся и спустился вниз.

В холле его ждали подчинённые. Все они знали, с каким мрачным лицом он поднимался наверх, поэтому теперь стояли напряжённые, настороженные. Увидев его, переглянулись.

Фу Юй и не думал скрывать. Он сел в ближайшее одиночное кресло и небрежно бросил:

— Омега выгнал меня из комнаты. Простите за представление.

Подчинённые:

— .....

Смеяться они, разумеется, не рискнули.

«Но почему у вас при этом такое довольное лицо?..»

<http://bllate.org/book/14965/1416592>